

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-145-152

Е. Е. Надточий¹*Томский государственный университет*

К ИСТОРИИ ОДНОГО НЕУСПЕХА: НЕКРОЛОГИ С. С. БОБРОВУ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОСМЕРТНОЙ РЕПУТАЦИИ ПИСАТЕЛЯ

Статья посвящена анализу некрологов о смерти поэта С. С. Боброва. Исследуются причины «забвения» писателя в последующем литературном поколении. Анализируются жанровые элементы некролога, помогающие конструировать литературную репутацию. Делается вывод о том, что в начале XIX века информационная задача некрологического текста уходит на второй план, в то время как его моделирующие функции в создании посмертного образа писателя становятся главенствующими.

Ключевые слова: некролог, литературная репутация, литературный канон, С. С. Бобров, посмертный образ

E. E. Nadtochiy*Tomsk State University*

TO THE HISTORY OF ONE FAILURE: OBITUARIES OF S. S. BOBTOV AND THE FORMATION OF A POSTHUMOUS REPUTATION

The article is devoted to the analysis of obituaries about the death of the poet S. S. Bobrov. The article examines the reasons for the “forgetting” of the writer in the subsequent literary generation. Genre elements of the obituary are analyzed in detail as a toolkit that constructs literary reputation. It is concluded that at the beginning of the 19th century the informational task of the obituary text fades into the background, while it’s modeling functions in creating the posthumous image of the writer become dominant.

Key words: obituary, literary reputation, literary canon, S. S. Bobrov, posthumous image.

Комплексное исследование некролога, значимого инструмента в формировании национальной культурной памяти, в современной филологической науке еще не производилось, хотя, как документальный жанр он рассматривался учеными разных направлений – философами, историками, исследователями медиа-культуры. Так, теоретик и историк журналистики А. А. Тертычный вписывает некролог в систему информационных жанров, где первостепенным является сообщение о факте смерти [Тертычный, 2006, с. 56]. Некрологи писателю также являются предметом рассмотрения. В этом отношении знаковыми являются работы А. И. Рейтблата, рассмотревшего некролог в контексте биографических жанров [Рейтблат,

---

¹ Екатерина Евгеньевна Надточий – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Филологического факультета Томского государственного университета (Томск), преподаватель кафедры журналистики и литературоведения ИФиЯК Сибирского федерального университета (Красноярск). nadtokaterina@gmail.com.

2014, с. 196], Т. Д. Кузовкиной, которая произвела обзор некрологов, опубликованных в газете «Северная пчела» за 1830–1840-е гг., для установления контекста статьи Ф. В. Булгарина на смерть В. А. Жуковского [Кузовкина, 2004], и статья К. А. Онипко, где анализировались идеи и поэтика первых русских некрологов Н. М. Карамзина и И. И. Борна на смерть И. Ф. Богдановича и А. Н. Радищева [Онипко, 2018].

Изучение некролога писателю связано с актуальными междисциплинарными направлениями современных гуманитарных наук – исследованиями исторической памяти и персональной истории, мемориальной культуры, культурного канона. Кроме того, посмертный текст важен для понимания вопросов, связанных с историко-литературным процессом, как в измерении эстетическом, так и в институциональном. Благодаря определенным жанровым элементам некролог создает запоминающийся образ умершего в памяти потомков и запускает в действие сложные процессы увековечивания или забвения, наращивания символического капитала (П. Бурдьё) или его уменьшения, последующей культурной канонизации или деканонизации. Посмертный текст писателю является зеркалом внутриинституциональной литературной культуры. Его инициаторами могут быть как «патроны» – монархи, вельможи и руководители, так и дружеские литературные кружки, литературные группы и направления. Сложно переоценить значение некролога как отправной точки вхождения в национальный литературный канон или исключения из него. Наконец, некролог является отражением эстетики и поэтики эпохи в ее сущностно важном вопросе репрезентации жизни и смерти.

Некролог как новый самостоятельный жанр появляется в русской литературе в начале XIX века, когда одна модель социального функционирования литературы постепенно сменяется другой: начинает ослабляться значимость системы литературного патронажа [Осват, 2020] и существенно повышается роль дружеских сообществ [Миллз, 1996]. Эти процессы запускали новые механизмы формирования литературной репутации. Признание при дворе, поддержка вельмож-меценатов, должностной статус все еще влияют на место автора в литературной иерархии, однако на поле словесности появляются и другие значимые агенты – литературные кружки и салоны, институализированные или неформальные дружеские общества. В подобных обстоятельствах еще формирующийся жанр некролога становится наиболее значимым как раз для культуры дружеских сообществ: в системе патронажа репутация автора во многом зависела от экстралитературных факторов и была феноменом стабильным, консервативным, в дружеской среде многое зависело от персонального признания, межличностных отношений, круга контактов автора, взаимодействия или полемики литературных кружков. Значительно, что первые русские некрологи писателю создаются как раз с целью утвердить образ, сформировавшийся среди друзей, будь то автор широко известный и официально признанный (некрологи Н. М. Карамзина И. Ф. Богдановичу [Надточий, 2021]) или писатель табуированный, чья значимость очевидна только ближайшему кругу друзей (некролог И. М. Борна А. Н. Радищеву). Оба некролога сыграли свою роль в утверждении посмертной репутации автора: предложенный

Карамзиным образ Богдановича утвердился сразу, интенции Борна оказались подхвачены гораздо позднее, когда широкой публике стали известны главные произведения Радищева.

Однако в русской литературе начала XIX века есть и любопытный пример того, как некролог, выразивший мнение определенного дружеского круга, оказался оспорен и не смог повлиять на посмертную репутацию писателя, на забвение его имени следующим литературным поколением. Материалом статьи станут некрологи поэту С. С. Боброву, а ее целью – выяснение причин того, почему они, будучи написаны по образцам Карамзина и Борна, не достигли своей цели.

Имя С. С. Боброва и сегодня мало популярно у широкой публики, а его творчество редко вызывает научный интерес. Наиболее развернутый обзор жизни и творчества поэта был предпринят М. Г. Альтшуллером [Альтшуллер, 1996] и Л. О. Зайонц [Зайонц, 1996]. С. С. Бобров известен в русской литературе как автор поэмы «Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсоне» и стихотворений, написанных под влиянием натурфилософии и поэзии Эдварда Юнга. Еще при жизни у поэта складывалась неоднозначная репутация. С одной стороны, его творчество чтили и уважали авторитетные писатели конца XVIII века – Г. Р. Державин и А. Н. Радищев, с другой стороны, он был порицаем молодыми карамзинистами. Во многом такое положение писателя связано с литературной полемикой о «старом» и «новом» слоге, которая развернулась в 1800-х гг. Еще в начале столетия Боброва причисляли к достойнейшим авторам эпохи, но уже к концу первого десятилетия XIX века его писательский образ получает негативные коннотации.

Семен Сергеевич Бобров умер в марте 1810 г. в Петербурге. На смерть поэта откликаются его друзья и публикуют некрологи в двух журналах. Первый текст о смерти поэта был напечатан в майском номере издания «Друг юношества» за 1810 г., а уже в июне в журнале В. А. Жуковского и М. Т. Каченовского «Вестник Европы» выходит второй отклик на его смерть. Обе публикации оказались вовлечены литературный дискурс, который складывался не столько вокруг личности умершего, сколько вокруг писательских объединений – поэтов-архаистов и карамзинистов.

О. А. Проскурин подробно исследовал и описал связь этих дебатов с формированием посмертной репутацией С. С. Боброва. В исследовании ученого важную роль играют не столько некрологи, сколько эпиграммы, опубликованные после кончины поэта в журнале «Вестник Европы». Речь идет о двух стихотворениях П. А. Вяземского, которые были напечатаны в том же номере, где был размещен некролог Боброву. В них умерший поэт именуется Бибрисом и высмеивается его сумбурный и нарочито усложненный стиль: «Нет спора, что Бибрис богов языком пел. Из смертных бо его никто не разумел» [Вяземский, 1986, с. 55]. Каламбурное прозвище Бибрис или Бибрус поэту дал К. Н. Батюшков, это компиляция немецкого слова *biber* – бобр и латинского слова *bibere* – пить. Насмешливое имя намекало на алкогольную зависимость писателя. И П. А. Вяземский, и К. Н. Батюшков принадлежали к лагерю карамзинистов и выступали за «стилистическую легкость, языковую

частоту и смысловую прозрачность» в поэзии [Проскурин, 2000, с. 87]. Произведения С. С. Боброва не отвечали этим требованиям: «Обе эпиграммы Вяземского не только прямо указывают на основной порок сочинений Боброва – на их темноту и непонятность, но и создают образ темного и шероховатого бобровского стиля, то есть являются вместе с тем и пародиями» [Проскурин, 2000, с. 88]. Коллективное мнение молодых карамзинистов, наиболее энергичных и активных агентов литературного процесса 1810–1820-х гг., в конечном итоге определило посмертную репутацию автора, соединившись с пародийным образом Боброва-человека.

В некрологах преследуется цель сообщить о смерти человека, продемонстрировать его социальную и профессиональную значимость и, тем самым, создать посмертный образ, увековеченный в памяти потомков. Некрологи С. С. Боброву, сосредоточившись на первой задаче, не смогли решить второй.

Некролог в журнале «Друг юношества», редактором которого был приближенный масонским кругам публицист и поэт М. И. Невзоров, вышел с заголовком «Некрология». Текст обращает на себя внимание структурой: он состоит из трех разных жанровых элементов. Некролог начинается с предисловия от редактора журнала. Назначение данного элемента соотносится с целями некролога – проинформировать читателей о смерти поэта и определить его место в памяти современников: «После статей о словесности и искусстве писать, я не непристойнымчитаю возвестить Любителям Литературы о кончине Семена Сергеевича Боброва» [Друг Юношества, 1810, с. 125]. Отметим, что, информируя читателей о смерти Боброва, автор не указывает дату, место и причину смерти, а лишь подчеркивает тот факт, что подобные сообщения не являются «непристойными». Далее в тексте вступительной части издатель указывает на социальную значимость поэта и перечисляет его профессиональные заслуги: «известного сочинением Тавриды, Древней ночи и многими другими, которые исполнены мыслями и красотами необыкновенными, только в литературе Гениям свойственными. <...> В последние годы жизни служил он в Санкт-Петербурге при Адмиралтействе и в комиссии составления законов» [Друг Юношества, 1810, с. 125]. Отдельно обращает на себя внимание следующее высказывание издателя: «Он был мой соученик и совоспитанник, участвовавший со мною в благодеяниях истинных любителей и друзей человечества, которых имена написаны на небесах» [Друг Юношества, 1810, с. 125]. Здесь подразумевалась принадлежности Боброва к масонскому сообществу. В совокупности предисловие акцентировало три слитых воедино смысловых комплекса: литературную «гениальность», служебные заслуги и масонскую благотворительность. Для дружеского круга, в котором вращался умерший поэт, каждая составляющая служила органичным дополнением других и не нуждалась в обосновании.

Второй жанровый элемент текста – это полученное издателем письмо с сообщением о смерти Боброва за подписью П.И.² Автор эпистолярного отзыва не говорит о творческих и служебных заслугах поэта, о его личных качествах, его цель – сообщить о последних днях жизни С. С. Боброва. П.И. детально описывает

² О. А. Проскурин обоснованно утверждает, что П.И. – это литератор-масон Павел Исоков.

болезнь поэта: «Болезнь его сначала имела медленное нашествие; сильный кашель только его обременял <...> потом такая осиплость в горле появилась, что сострадательно было на него смотреть <...> а недели за две перед кончиною слег в постель, и открылось у него гортанью кровотечение» [Друг Юношества, 1810, с. 126]. Автор информирует как издателя, так и читателей «Друга юношества» о дате кончины С. С. Боброва, останавливаясь на последних его часах: «На 22 число Марта около трех часов ночи после спокойного сна пустилась вдруг кровь как бы из всех сосудов разом, и тут смерть восторжествовала, сразив больного на руках супруги» [Друг Юношества, 1810, с. 127]. Говоря о погребении поэта, автор письма придает религиозный смысл его кончине и дополнительно подчеркивает социальную значимость умершего: «Тело его погребено в самый день Благовещения, т. е. 25 Марта на Волковом кладбище, тело, которое достойно быть положено близ гроба Г. Ломоносова» [Друг Юношества, 1810, с. 127]. Эпистолярный отрывок завершается призывом помочь семье Боброва, оказавшейся в бедственном положении.

Последний жанровый элемент некрологической заметки – надгробная надпись, которую также создал П. И. Она резюмирует эмоциональный отклик друзей на смерть поэта, акцентируя его добродетельность и литературный талант: «В живых Боброва нет!... Но жив он в небесах, в творениях своих – жив в наших он сердцах» [Друг Юношества, 1810, с. 128].

Если рассматривать данный некролог в контексте предшествующих образцов Н. М. Карамзина и И. М. Борна, то в нем вполне сохранены ключевые приметы жанра. Подобно некрологу Борна, этот текст представляет собой жанровую компиляцию (информационная заметка, повествование о последних часах, лирическая концовка), которая создает эффект интимизации смерти. Важным элементом становится и образ скорбящего дружеского круга, в данном случае литературно-масонского сообщества. Автор эпистолярного отрывка говорит о личном общении с поэтом перед его смертью. Лаконично, но в достаточном объеме рассказывается и о служебных заслугах Боброва. Единственной лакуной становится в некрологе литературная деятельность, что и стало в конечном итоге уязвимым местом: прокламируемая дружеским кругом литературная «гениальность» усопшего никак не обосновывалась и не подкреплялась.

Следующий некролог С. С. Боброву был опубликован в журнале «Вестник Европы». В. А. Жуковский в тот момент выпускал его в сотрудничестве с М. Т. Каченовским. Раздел «Смесь» в одиннадцатом номере издания открывался «Письмом к издателям» за подписью С.С.³ Автор письма, указывая на честность и добродетельность умершего Боброва, просил помочь его семейству в связи с тяжелым финансовым положением и смертью кормильца: «Как Стихотворец, он имел сугубое право испрашивать у любителей Музы его вспомоществования для бедного своего семейства. Не откажите в сем пособии несчастным» [Вестник Европы, 1810, с. 245]. Подобные сообщения филантропического характера

³ О. А. Проскурин атрибутировал его Сергею Гавриловичу Салареву, литератору, близкому масонскому кругу.

в «Вестнике Европы» публиковались регулярно и составляли важную часть репутации журнала как органа благотворительной помощи.

Следом за письмом редакторы поместили текст с заголовком «Некрология» также за подписью С.С. По структуре и содержанию данный текст можно отнести к числу современных информационных жанров. Автор постепенно отвечает на ряд ключевых вопросов новостной заметки «что произошло», «когда произошло», «кто действовал»: «Известный российский Стихотворец, Надворный советник Бобров скончался в С. Петербурге 22 числа истекшаго марта» [Вестник Европы, 1810, с. 245]. Далее, в некрологе представлено краткое перечисление общественных и творческих заслуг, которые подчеркивают социальное положение умершего: «Определен в канцелярию Сената к Герольдмейстерским делам, <...> перемещен в ведомство морского начальства, <...> служил переводчиком в государственной Адмиралтейств-Коллегии. <...> Сочинения его суть следующая: Рассвет полночи, стихами в 4 частях; Таврида, в стихах же; Домашние жертвы, в стихах; Древняя ночь вселенной, в 4 книжках стихами» [Вестник Европы, 1810, с. 246]. Стоит отметить, что автор не дает оценки ни государственной службе, ни поэтической деятельности Боброва. Автор текста дублирует мысль, высказанную в опубликованном выше письме, указывая на материальное состояние умершего: «Бобров был человек недостаточной, и довольствовался единственно получаемым по службе жалованием и вырученными за сочинения и переводы деньгами, которых при всей умеренности едва ли достаточно было на содержание его с семейством. Жена и малолетний сын остались по нем в крайней бедности» [Вестник Европы, 1810, с. 246]. Отметим, что автор не только не высказывает свою точку зрения, он не использует и ритуальные конструкции, которые, как правило, присутствуют в некрологах. Таким образом, главной целью здесь стала просьба о помощи семейству покойного поэта.

Анализ некрологов С.С. Боброву показывает особенность формирования в культуре памяти посмертного образа писателя. Оба некролога были написаны с целью только проинформировать аудиторию о смерти поэта и рассказать о бедственном положении его семьи. Авторы текстов не ставили задачу увековечить заслуги поэта, продемонстрировать его лучшие человеческие качества. В некрологах практически отсутствуют ритуальные конструкции, усиливающие «скорбный» эффект и апеллирующие к памяти потомков. В них нет ярких, запоминающихся образов. Наконец, эти некрологи акцентировали принадлежность Боброва к влиятельному, но достаточно узкому сообществу – к масонской среде, что определяло «локальный» характер его репутации. Вкупе с гипертрофированными, но бездоказательными утверждениями о «гениальности» поэта, это создавало благоприятную почву для полемики, чем и воспользовались младшие карамзинисты. Эпиграммы Вяземского и Батюшкова зачеркнули образ добродетельного и талантливого поэта и создали антиобраз Боброва-Бибруса, так и вошедшего в литературную память следующих поколений.

Таким образом, жанр некролога, вписываясь в культуру дружеских сооб-

ществ, в начале XIX века, очевидно, терял свой информирующий характер, но приобретал важные моделирующие функции в создании посмертного образа писателя. И возможностями данного жанра не все могли воспользоваться эффективно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альтшуллер, М.Г. С. С. Бобров и русская поэзия конца XVIII – начала XIX в. / М.Г. Альтшуллер // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. XVIII век. Сб. 6. – Ленинград: Наука, 1964: – С. 233–236.

Вяземский, П.А. Стихотворения / П. А. Вяземский. – Ленинград: Советский писатель, 1986. – 554 с.

Зайонц, Л.О. «Пьянствующие» архаисты / Л.О. Зайонц // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 21. – С. 220–235.

Кузовкина, Т.Д. Некролог Булгарина Жуковскому / Т.Д. Кузовкина // Пушкинские чтения в Тарту. – Тарту, 2004. – Вып. 3. – С. 276–293.

Миллз, У.Т. III Литература и общество в эпоху Пушкина / У.Т. Миллз III. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1996. – 293 с.

Надточий, Е.Е. К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н.М. Каразина / Е.Е. Надточий // Вестник ТГУ. – 2021. – № 463. – С. 42–46.

Некрология // Друг Юношества, издаваемый Максимом Невзоровым. – 1810. – С. 125–128.

Некрология // Вестник Европы. – 1810. – № 11. – С. 245–246.

Онипко, К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты / К.А. Онипко // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 1 (170). – С. 83–87.

Осповат, К.А. Придворная словесность. Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века / К.А. Осповат. – Москва: Новое литературное обозрение, 2020. – 480 с.

Проскурин, О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи / О.А. Проскурин. – Москва: ОГИ, 2000. – 369 с.

Рейтблат, А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы / А.И. Рейтблат. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 416 с.

Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – Москва: Аспект Пресс, 2006. – 312 с.

REFERENCES

Altshuller, M.G. S.S. Bobrov I russkaya poeziya konca XVIII – nachala XIX v. / M.G. Altshuller // Russkaya literatura XVIII veka. Epoha klassicizma. XVIII vek. Sb.6. – Leningrad: Nauka, 1964: – S. 233–236.

Kuzovkina, T.D. Nekrolog Bulgarina Zukovskomu / T.D. Kuzovkina // Pushkenskie chteniya v Tartu. – 2004. Vip. 3. – S. 276–293.

Millz, Y.T. III Literatura I obshestvo v epohu Pushkina / Millz Y. T. III. – Sankt-

Peterburg: Akademicheskiiy proekt, 1996. – 293 s.

Nadtochiy, E.E. K istorii stanovleniya zhanra nekrologa v russkoi literature: nekrologi N.M. Karamzina / E.E. Nadtochiy // Vestnik TGU. – 2021. – № 463. – S. 42–46.

Nekrologiya // Drug Uynoshestva, izdavaemii Maksimom Nevzorovim. – 1810. – S. 125–128.

Nekrologiya // Vestnik Evropi. – 1810. – № 11. – S. 245–246.

Onipko, K.A. Pervie russkie nekrologi: geroi I konteksti / K.A. Onipko // Uchenie zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 1 (170). – S. 83–87.

Ospovat, K.A. Pridvornaya slovesnost. Institut literatuti I konstrukcii absolutizma v Rossii serezhini XVIII veka / K.A. Ospovat. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. – 480 s.

Proskurin, O.A. Literaturnie skandali pushkinskoi epohi / O.A. Proskurin. – Moskva: OGI, 2000. – 369 s.

Reitblat, A.I. Pisat poperek: Stati po biografii, sociologii I istorii literature / A.I. Reitblat. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 416 s.

Tertichnii, A.A. Zhanri periodicheskoi pechati / A.A. Tertichnii. – Moskva: Aspekt Press, 2006. – 312 s.

Vyazemskiy, P.A. Stihotvoreniya / P.A. Vyazemskiy. – Leningrad: Sovetskiy pisatel, 1986. – 554 s.

Zaiyonc, L.O. “Pianstvuychie” arhaisti / L.O. Zaiyonc // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1996. – № 21. – S. 220–235.